

Лидия Богатая

**«МУЛЬТИИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»:
РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ ТЕРМИНА И ИДЕИ**

Ситуация знакомства с проектом мультиидеологического образования, представленного доктором Ури Гершовичем, неожиданно актуализировала тему *эмоционального воздействия слова*. Любому элементарно образованному человеку известно, что каждое произнесенное слово не только подвергается рациональному анализу, но и вызывает определенные эмоциональные воздействия. Сила этого воздействия зависит от личной и коллективной истории каждого. Некоторые слова, с точки зрения их эмоционального влияния, ка-

жуются практически нейтральными, некоторые же вызывают буквально бурю эмоций. Впервые услышанное словосочетание «*мультиидеологическое образование*» для автора этого текста оказалось достаточно сильной эмоциональной зацепкой. Когда первые спонтанно проявившиеся эмоции улеглись, естественно возник вопрос: в чем причина того, что произошло? Поиски ответа привели к припоминанию результатов одного из исследований Рона Хаббарда, являющегося весьма неоднозначной фигурой в культуре XX века. Хаббард, в частности, обращал внимание на то, что даже совершенно безобидные слова, попавшие в поле восприятия человека, находящегося в состоянии сильного болевого стресса, впоследствии, когда ситуация острой боли уже пережита, обретали неожиданную силу. Повторное произнесение этих слов уже в обычной ситуации, вызывало своеобразные эмоциональные уколы, актуализировало память о перенесенной боли. Так, к примеру, если хирург во время операции произносил совершенно обычные слова «дай мне чашку», это широко распространенное в быту словосочетание становилось в последующей жизни пациента «актуализатором» эмоциональной травмы. Приведенные исследования стали основанием для введения правила поведения хирургов, принятого, в частности, в США: во время операции ее участники должны соблюдать молчание, дабы не породить возникновение слов, стимулирующих в будущем у пациента переживания эмоциональной боли.

Элементарные наблюдения за тем, какое влияние словосочетание «*мультиидеологическое образование*» оказывало на других людей, впервые его воспринимавших, показало, что рационально неконтролируемые эмоциональные отклики наблюдались у многих. Осмысление отмеченного приоткрыло целый ряд тем, достаточно интересных для обсуждения.

Детям тех, кто пережил ужасы Второй мировой войны, хорошо известно, что звук обыкновенного самолета, мирно пролетавшего над городом, долгое время заставлял наших родителей вздрагивать от предчувствий возможной бомбардировки. Каждый из нас может проверить себя на том, какие эмоциональные состояния переживаются после произнесения слов *война, лагерь, фашизм, гетто*... К сожалению, этот ряд слов можно продолжить. Причины подобных эмоциональных всплесков вполне понятны. Но почему схожий характер эмоционального следа возникает после произнесения слова

идеология? Возможно, элементарная причина состоит в существовании особых вербальных связок: *фашистская идеология, коммунистическая идеология, марксистско-ленинская идеология*. Эти связки автоматически актуализируют тоталитарные вербальные матрицы, хорошо знакомые определенной части населения планеты. А может, причина имеет более глубокий характер? Само слово *идеология*, без соединения с какими-либо другими словами, вызывает негативные эмоциональные ощущения. Тогда возникает естественный вопрос: почему? К какой боли отсылает это вполне рациональный термин?

Этимологические корни слова идеология абсолютно чисты. Греческие слова *ιδέα* – *идея* и *λόγος* – *слово, учение* в своем соединении никак не заключают какой-либо «болезненности». С чего же начинается болезненность восприятия?

Историческая память тех, кто когда-либо жил в тоталитарных государствах, хранит не только неисчислимы эмоциональные боли, но и все еще незаживающие эмоциональные раны, возникавшие от действия идеологической машины. Малейшее несогласие с существующей идеологией требовало физического устранения несогласного. По этому поводу говорено и написано достаточно много. Несомненный же интерес для современных исследований представляет вопрос о том, насколько *идеология, идеологический инструментарий* применимы в условиях нового тысячелетия. В 60-е годы прошлого века американский социолог Дэниел Белл написал книгу с характерным названием «Конец идеологий». Белл предсказал возникновение нового постиндустриального общества. Но тема исчезновения идеологии в этом постиндустриальном обществе все еще остается не до конца раскрытой и требует серьезного переосмысления того, чем же на самом деле станет идеология в новом мироустройстве. При этом с самого начала необходимо понять, что накопившиеся за более чем двухсотлетнюю историю существования термина представления об идеологии настолько разнообразны, что сегодня для обозрения этого многообразия необходимо применение новых многомерных интеллектуальных технологий.

Идеология – это и «оторванные от реальной жизни и политики взгляды», и «форма классового сознания», и «ложное сознание», и «маскировка действий политических элит», и «апология существующего строя», и «то, что задает нормы и правила публичного

говорения», и, «мобилизатор социальной активности», и – многое, многое другое.

В современных словарных статьях идеология характеризуется как важнейший инструмент консолидации общества. С помощью сильной идеологии можно достаточно быстро построить сильное государство. Примеры подобных практик легко найти в истории. Вполне понятно, что развитие некоторых современных молодых государств осуществляется с помощью привлечения той или иной идеологии. С помощью идеологии, действительно, можно активизировать формирование национальных культур. Но какова плата за подобные ускорения? Как быть со стираемым любой идеологией многообразием мнений?

Из сказанного естественно заключить, что идеология это очень серьезный инструмент и потому даже при употреблении этого слова следует соблюдать осторожность, тем более, в контексте с таким термином как образование, ибо образованием осуществляется «запуск» идеологической машины, идеология начинает свой формообразующий процесс. С другой стороны, из сказанного вовсе не вытекает, что идеология должна исчезнуть из современного мира. Как именно ситуация будет развиваться дальше покажет время, но при этом важно понимать, что само развитие ситуации возможно только при условии начала ее целенаправленных осмыслений.

В качестве одного из исследовательских усилий, направленных на разработку идеологической тематики, можно указать на доклад А.А. Кара-Мурзы «Как философские идеи превращаются в репрессивные идеологии? (Российский контекст)», представленный в июне этого года в Институте философии РАН, в рамках семинара «Философия в публичном пространстве» [3]. С текстом доклада можно ознакомиться на сайте ИФ РАН. В рамках же данной публикации хочется обратить внимание на следующие моменты. Кара-Мурза приводит интересные размышления русского философа, культуролога В.В. Вейдле, противопоставляющего *мировоззрение* и *идеологию*. В частности, Вейдле пишет: «Мировоззрение – нестрогое единство, мыслительная протоплазма личности... Идеология – система идей, более или менее умело, но всегда нарочито и для известной цели спаянных друг с другом; система мыслей, которых никто более не мыслит. Их принимают к сведению и тем самым к руководству; мыслить их, это значило бы подвергнуть их опасности изменения.

К личности идеология никакого внутреннего отношения не имеет, она даже и навязывается ей не как личности, а как составной части коллектива или массы, как одной из песчинок, образующих кучу песка» [2]. На первый взгляд, ничего нового, по сравнению с тем, что мы знаем уже об идеологии, не сказано, но то, что сказано, сказано очень точно.

Идеология – система идей, *более или менее умело* спаянных. Идеология – это некий идеологический конструкт, качество которого зависит от многих составляющих. Подобные, не всегда хорошо сработанные конструкты формируют жизни иногда целых поколений.

Идеология – система идей, *спаянных для известных целей*. Идеология это не просто управление (направление), а, скорее, манипулирование.

И, наконец, идеология, это *система мыслей, которые никто не мыслит*. Эта подмеченная особенность идеологии кажется особенно агрессивной, ибо человека, который и так еще не научился мыслить, с помощью идеологии отлучается от мышления.

Вероятно, многие из нас в своих размышлениях «зависали» над знаменитыми словами М. Хайдеггера: «более всего требующее осмысления проявляется в наше требующее осмысления время в том, что мы все еще не мыслим» [5, 136]. С момента произнесения этих слов прошло уже более пятидесяти лет, но, к сожалению, мало что изменилось, проблема мышления не стала менее острой.

В 2010 году вышла книга Э.Морена «К пропасти?», в которой, фактически, продолжена тема, затронутая Хайдеггером. Морен пишет:

«Реформа мышления представляет собой ключевую антропологическую и историческую проблему. Никогда в истории человечества ответственность за мышление и за культуру не имела такого решающего значения, как сегодня» [4, 41]. И далее: «Реформа мышления совершенно необходима, нам необходима такая реформа, которая будет способствовать созданию контекстуального и комплексного мышления» [4, 38]. И еще: «Мы можем погибнуть от недостатка солидарности. Но мы также погибнем без реформы мышления» [4, 94].

В контексте приведенных слов естественно возникает вопрос: возможно ли, в условиях острой необходимости развития мышления вновь обращаться к идеологии, хорошо понимая, что она этому развитию очевидно препятствует?

Из всего сказанного по поводу идеологии можно заключить, что термин «мультиидеологическое образование», предложенный доктором У.Гершовичем является, как минимум, не совсем удачным. Определенная направленность представленного словосочетания может быть снята, если слово «образование» заменить на термин «практики». Но, свершенно понятно, что только за автором сохраняется право переименования.

Если же обратиться к рассмотрению содержательной стороны обсуждаемого проекта, то можно с полной ответственностью заключить, что в его основе лежит очень интересная методика, способствующая развитию *многомерного мышления*. В связи с тем, что термин многомерное мышление пока еще не является общепринятым, его необходимо специально прояснить.

Представления о многомерном мышлении возникли как результат необходимости освоения практически обнаруживающейся и возрастающей множественности. Выше уже приводился пример ситуации осмысления *идеологии*. Вполне естественно задать вопрос: какую из теорий или концепций, проясняющих тему идеологий, следует выбрать человеку, приступившему к изучению этой темы? Один из путей исследования состоит в том, чтобы, не отдавая предпочтения ни одной из концепций, попытаться актуализировать их одновременно, удерживая, насколько это возможно, в поле сознания. Подобная практика дает возможность формирования принципиально иного отношения к уже существующим знаниям. Для получения знания нового не обязательно отвергать то, что уже было принято другими исследователями. Старое знание можно использовать в качестве информационного контекста, на фоне которого происходят новые обнаружения. То, с чем мы не согласны не отвергается, но, как можно более точно проясняется и перемещается на второй план. *Многомерное мышление*, в самом общем виде, это и есть мыслительное действие, направленное на одновременную актуализацию различных точек зрения, при этом ни одной из этих точек зрения не отдается предпочтения. Главная цель подобной одновременной актуализации заключается в стремлении получить новый смысл, новое знание.

Анализируя практику *мультиидеологического образования*, предложенную доктором Гершовичем в связи с особым способом прочтения шекспировского «Венецианского купца», можно отметить, что *мультиидеологическое прочтение*, фактически, активизирует

многомерный мыслительный акт. Мультиидеологическое прочтение – это способ прочтения того или иного текста с точки зрения разных религиозных традиций. «Венецианского купца» можно читать под христианским, иудейским, языческим ракурсом. Каждый из этих ракурсов позволяет обнаружить в рамках пьесы Шекспира совершенно неожиданные выводы. Если подобный многоракурсный анализ осуществлять в образовательном процессе в ходе изучения того или иного текста, то появляется возможность одновременного погружения в различные религиозные традиции, более глубокого исследования их этических оснований. Мультирелигиозное прочтение позволяет одновременно актуализировать различные этические системы и эта одновременность способствуют, несомненно, развитию многомерных ментальных техник. Однако при этом естественно возникает вопрос: легко ли смогут учащиеся (студенты) принять подобное многокурсное видение, если сами исповедуют у или иную религию? И вот тут то обнаруживается еще одна сложность «мультиидеологического» проекта. Религиозное сознание, к примеру, большинства украинцев сегодня является весьма неустойчивым. Имея исторические разрывы в освоении христианской традиции, оказываясь погруженным в ситуацию активации множества различных религиозных практик, современный украинский школьник или студент едва ли сможет сознательно участвовать, к примеру, в практиках языческого или христианского прочтения «Венецианского купца» по причине элементарного отсутствия знаний. Однако подобная практика может быть весьма полезной для студентов культурологов, религиоведов, политологов, социологов, всех тех, для кого учет религиозных установок является весьма существенным элементом профессионального анализа. В подобных аудиториях мультиидеологические обсуждения могут быть несомненно эффективны и способствовать тому, чтобы из отечественных вузов выходили специалисты, готовые к многомерному освоению современных реалий.

Особо следует сказать о том, что возможности «мультиидеологической» методологии на самом деле значительно более широки, нежели это представлено в проекте доктора Гершовича. Поэтому вполне естественно сделать следующий шаг: осуществить переход от представлений о «*мультиидеологической методологии*» к представлениям о «*методологии многомерной*» (эта тема более подробно развивается в монографии [1]). . В многомерной методологии один и тот

же объект, предметный срез или проблема могут одновременно рассматриваться с совершенно различных точек зрения, причем различных настолько, что это могут быть, к примеру, принципиально отличающиеся исследовательские ракурсы (как у доктора У.Гершовича, к примеру, – *христианский и иудейский* ракурсы анализа). При этом *принципиальное отличие* следует подчеркнуть особо. Ибо в традиционных исследованиях обычно имеет место соотнесение различных точек зрения, но эти точки зрения, чаще всего, представляют собой одну исследовательскую традицию или традиции достаточно близкие. В случае же многомерного метода традиции должны быть *принципиально отличными*. Многомерный ментальный акт позволяет преодолеть фундаментальные гносеологические разрывы. Один и тот же объект может рассматриваться с герменевтических, феноменологических или, к примеру, синергетических позиций и при этом не происходит эклектического смешивания (ибо многомерная методология предполагает употребления специальных многомерных процедур, которые подробно рассмотрены в монографии «На пути к многомерному мышлению» [1]).

Ценность проекта, представленного доктором У.Гершовичем состоит не только в том, что он выполнен в рамках современных методологических трендов, но и в том, что он представлен как конкретная практика, которая может быть с успехом внедрена в образовательный процесс при условии учета тез замечаний, которые уже были сделаны.

Хотелось бы выразить надежду на то, что проект доктора Ури будет иметь дальнейшее развитие в рамках складывающегося и развивающегося многомерного методологического подхода, который еще требует глубокой теоретической рефлексии.

Литература

1. Богатая Л. Н. На пути к многомерному мышлению. – Одесса : Печатный дом, 2010. – 372 с.
2. Вейдле В. Только в Россию можно верить // «Вестник РСХД». – 1974. – № 114. – С. 247.
3. Кара-Мурза А.А. Как философские идеи превращаются в репрессивные идеологии? (Российский контекст) // Политическая концептология № 2, 2012г. – С. 62-78.
4. Морен Э. К пропасти? / Э. Морен; пер. с франц. Г. Наумовой. – СПб.: Алетей, 2011. – 136 с. – (Gallicinium).
5. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: Сборник: [пер. с нем.; под ред. А. Л. Доброхотова]. – М.: Высш. Шк., 1991. – 192 с.